И. НИКИТИНСКИЙ, П. СОФИНОВ

ГЭС 610
Н 821

НЕМЕЦКИЙ ШПИОНАЖ В ЦАРСКОЙ РОССИИ

ОГИЗ САРОБЛГИЗ 1942

НАУЧНО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ УГА НКВД СССР

И. НИКИТИНСКИЙ
майор государственной безопасности

П. СОФИНОВ
кандидат исторических наук

ГЖ610
Н 821

НЕМЕЦКИЙ ШПИОНАЖ В ЦАРСКОЙ РОССИИ

ОГИЗ САРОБЛГИЗ 1942

К. 1984г.
ГЖС 610
Н 821
Брошюра написана по документальным материалам Центральных Государственных архивов НКВД СССР.
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ 2008
582088 У

Введение

Германский империализм с самого начала своего существования носит характер наиболее хищнического и грабительского империализма. Стремление к захвату и грабежу чужих территорий, стремление к покорению других народов—пронизывает всю внешне-политическую деятельность Германии. Особенно жадные взоры бросали немецкие империалисты на богатые русские земли, имевшие огромное экономическое и стратегическое значение. Еще в 80-х годах прошлого столетия сподвижник Бисмарка—Э. Гартман предлагал разделить Россию на Балтийское и Киевское королевства и поставить их в полную зависимость от Германии. Спустя несколько лет один из немецких «профессоров»—Рошер, выступил с утверждением, что все славянские земли «раньше или позже должны сделаться достоянием великого германского народа».

Перед самой войной в Германии вышла анонимная книжонка с картой, рисующей предполагаемый раздел мира. Россия оказалась на этой карте отброшенной за Волгу. В резолюции секретного совещания крупнейших

землевладельцев и промышленников Германии, происходившем в Берлине в июле 1915 г., отмечалось: «У нашей восточной границы увеличивается в угрожающих размерах — до 3 миллионов душ в год—население русского государства». В увеличении славянства немцы видели страшную угрозу своим планам наступления на восток. Именно поэтому они торопились захватить русские земли и превратить славян в покорных рабов германских баронов. Характерно, что империалисты Германии не ограничивали предполагаемую оккупацию каким-либо определенным рубежом. «Размер перенесения нашей восточной границы в глубь России, — говорится в решении собрания землевладельцев и промышленников,—будет зависеть от наших военных успехов, а также и стратегических соображений». Немцы непрочь дойти и до Урала, если бы им позволили «военные успехи». А для обеспечения этих успехов они делали все, что было в их силах.

Среди многочисленных мероприятий германского правительства по подготовке к захвату чужих территорий исключительно важную роль играл шпионаж.

Задолго до войны в задачи разведки любой страны входит всестороннее изучение военного и экономического могущества своих предполагаемых военных противников. Разведка должна точно выяснить количество и качество всех вооруженных сил, состояние

военной промышленности, транспорта, сельского хозяйства и многих других различных областей в жизни страны. Она должна иметь более или менее исчерпывающие данные о дислокации всех родов войск, наличии оборонительных сооружений, местонахождении важнейших промышленных предприятий, работающих на оборону, количестве подвижного состава на транспорте и т. п. В задачи разведки также входит изучение политической жизни страны, причем здесь особое внимание уделяется выяснению соотношения классовых сил в стране и ее внешней политики.

Многообразие и обширность задач, возлагаемых на разведку, естественно вызывает необходимость создания как обширного разведывательного аппарата, так и громадной армии агентов-шпионов.

В Германии организацией шпионажа занимались генеральный штаб, военное и морское министерства, министерство иностранных дел и десятки других учреждений. Сам Вильгельм живо интересовался ходом шпионской работы. У себя во дворце он неоднократно принимал наиболее крупных шпионов, оказывая им всяческое внимание.

Насаждение немецких агентов в России началось давно, но особенно широкие размеры оно приняло в начале XX столетия, с того момента, когда Германия приступила к энергичной подготовке войны за передел мира,

Создание армии шпионов и диверсантов в России германская разведка осуществляла различными путями. Первый и основной путь, по которому текли шпионы и диверсанты в Россию,—это засылка их из самой Германии под видом дипломатов, коммерсантов, представителей различных фирм и компаний, артистов, туристов и других официальных и неофициальных представителей. Второй путь заключался в вербовке этих кадров внутри самой страны за счет немцев, проживавших в России, прогерманских элементов, работавших в различных учреждениях и на предприятиях, а также различных подонков общества.

К началу первой мировой империалистической войны германская разведка сумела создать в России хорошо разветвленную и широко организованную сеть своих агентов. Общее руководство шпионско-разведывательной работой на территории русского государства принадлежало «Центральному бюро по высшему руководству шпионажем в России», которое получало, в свою очередь, указания непосредственно от германского генерального штаба.

Центром, куда тянулись нити шпионажа со всех концов русского государства, являлось германское посольство в Петрограде. Советник посольства Гельмут фон-Люциус, прикрываясь дипломатической вывеской, долгие годы плел сеть шпионажа, проникая в самые

различные учреждения и организации царской России. Прогнивший самодержавный строй, беспринципное и продажное чиновничество намного облегчали задачу фон-Люциуса. Завязав обширные знакомства в влиятельных административных, военных и торгово-промышленных кругах, он сумел завербовать среди них преданных агентов немецкой разведки.

Исходя из пресловутой теории—всемерно «укреплять и распространять немецкую мощь во всем мире», германский генеральный штаб поставил перед своими шпионскими организациями задачу не только доставлять все необходимые данные о России, но, вклинившись во все отрасли хозяйства, парализовать в нужный момент работу важнейших военных предприятий и транспорта. Более того, генеральный штаб решил на территории самой России создать резервы германской армии путем насаждения в важнейших стратегических районах немецких колонистов. В связи с этим и деятельность германской разведки протекала в самых различных формах. Важнейшими из них являлись: военный шпионаж, диверсии в промышленности и на транспорте, колонизационная политика, экономический шпионаж.

Благодаря густой шпионской сети, германский генеральный штаб имел весьма точные военные, экономические и статистические данные о своем противнике. Многие сраже-

ния во время первой мировой войны немецкие армии выиграли не потому, что они были сильнее или полководцы их были более талантливы, чем у союзников, а потому, что они знали планы и расположение противника через своих шпионов. Германские шпионы во многом способствовали созданию демагогического мифа о непобедимости германского оружия.

Настоящая брошюра ставит своей целью ознакомить читателей с основными приемами и методами подрывной работы германской разведки в России перед войной и во время войны 1914—1918 гг.

Шпионаж под маркой торгово-промышленных фирм

В общей системе германского шпионажа в России на первом плане стоял шпионаж с помощью различных немецких торгово-промышленных фирм, добровольных обществ и т. п.

Со второй половины XIX века немецкий империализм всеми силами старался проникнуть во все отрасли русского хозяйства и подчинить их своему влиянию. Правительство Германии всячески поощряло организацию фирм и вывоз немецкого капитала в царскую Россию. В 1880 г. рейхстаг принял закон о «колонизационных кредитах» на нужды немецких предприятий, возникших в иностранных государствах. Кредиты эти, через част-

ные коммерческие банки и общества «Дейче колониальгезельшафт», «Дейче экспортбанк», «Дейче колониальферейн» и др., распределялись по указанию генерального штаба среди промышленников. Помимо этого, военное министерство имело свои собственные средства для финансирования наиболее «заслуженных» предприятий и торговых фирм. В 1902 г. в смете военного министерства были вотированы кредиты №№ 145, 273, 317 и 428 по статье «В», предназначенные для поддержки немецких торговых фирм, работающих в России. В 1910 году через германское посольство, для передачи существующим в России немецким предприятиям, военное министерство перевело 25 миллионов марок.

Начиная с 1905 года, «Дейч-Банк» ежегодно отпускал большие суммы (в 1911 г. — 1½ миллиона марок), в виде беспроцентных ссуд, крупнейшим немецким заводчикам в России для организации «промышленно-торговых экспедиций». На эти деньги были проведены экономические исследования северного Урала, Эмбинского нефтяного района, Закавказья, Тихоокеанского побережья от залива Посьета до устья Амура, Архангельской и Вологодской губерний, Камчатки, Восточного Забайкалья, различных водопадов и пр.

Ценнейшие данные, добытые «промышленно-торговыми» экспедициями, были использованы, с одной стороны, германской разведкой, а с другой стороны, немецкими капиталиста-

ми для организации новых предприятий в богатых русских областях.

Наряду с финансированием уже существующих акционерных обществ, правительство Германии широко поощряло организацию новых. В 1907 году министерство финансов издало инструкцию, по которой германское казначейство должно было выдавать особые премии тем германским фирмам, которые открывали свои отделения в России.

Получая систематическую и щедрую поддержку от правительства, немецкая буржуазия активно насаждала на русской территории различные предприятия, фирмы, общества, конторы и т. п. Не было ни одной области промышленности в России, где бы немецкий капитал и руководящие им лица не играли бы выдающейся роли. Особенное внимание немцы обращали на электрическую, металлургическую, химическую промышленности, на добычу твердого и жидкого топлива и на лесную промышленность.

Перед войной 1914 г. немцам принадлежали в России все химические заводы, около 90% предприятий электротехнической промышленности, более половины металлургических и металлообрабатывающих заводов, почти половина текстильных предприятий и т. п.

Предприятия Круппа, Гуго Стиннеса, Сименск-Шуккерта, фон-Гратенау, Шпана, Всеобщей электрической компании и многие дру-

гие наложили свои жадные руки на богатейшие русские районы.

В химической промышленности главенствующую роль играли предприятия Фридриха Байера, Фарбверка, Тентелевский завод и Русское общество торговли аптекарскими товарами.

Наименование «Русское общество» только прикрывало немецкую сущность этого предприятия. Вообще немцы довольно часто прибегали к маскировке своих фирм и компаний русскими именами. В Москве существовала торговая фирма «Попов и Компания», во Владивостоке «Петр Лопатин», в Ростове-на-Дону — «Золотухин и К-°», но действительными их хозяевами являлись немцы.

Оказывая всевозможную поддержку немецким промышленникам, германское правительство требовало от них выполнения всех указаний своей разведки. Прежде всего само размещение фирм и предприятий проводилось согласно строго продуманному плану. Германские предприятия в основном были размещены в городах, расположенных вдоль западной русской границы, а также в важнейших военных центрах, таких как Петроград, Москва, Одесса, Архангельск, Севастополь и т. д. Торговые фирмы также находились в важных стратегических пунктах России. На Сахалине их было 9, во Владивостоке — 6, в Баку — 9, на Черном и Азовском морях — 12 и т. д.

Основными задачами, которые поставил генеральный штаб перед немецкой промышленностью, проникшей в Россию, являлись — осведомление о развитии производительных сил страны, противодействие этому развитию и агентурная разведывательная служба.

Еще в 1898 году в Берлине состоялось многолюдное, но совершенно секретное собрание высших военных и морских чиновников совместно с представителями германской промышленности и торговли, имевших дела как в самой Германии, так и за границей. Собрание обсуждало вопрос о системе использования заграничных немцев-промышленников и купцов в интересах создания «Великой Германии». Совещание наметило основные пути, по которым должна была развиваться деятельность немецких представителей в иностранных государствах. Вот эти пути:

«1. Захват промышленности и торговли немцами и препятствие развитию туземной промышленности.

2. Захват государственных заказов, особенно военных, в руки немцев.

3. Выработка мероприятий, ведущих к уничтожению туземной промышленности в случае войны.

4. Проникновение германских промышленников и купцов во все правительственные учреждения.

5. Установление системы осведомления военного министерства немцами-промышлен-

никами и купцами.

6. Выработка особых кредитов для возникновения и поддержки нужных для военных целей немецких предприятий в иностранных государствах».

Аналогичные совещания были проведены в 1903 и в 1914 годах. А военное министерство, в целях более конкретной разработки вопросов, связанных с саботажем и разведкой в иностранных государствах, четыре раза созывало расширенные совещания «специалистов» (в 1899, 1905, 1908 и 1913 гг.).

В 1898 г. германские консулы в России довели до сведения немецких фирм циркуляр генерального штаба № 2348, предлагающий принять в число служащих определенное количество лиц, командируемых штабом в Россию. Циркуляр № 2348 был повторен в 1903 году, при этом указывалось на необходимость уплаты командируемым лицам значительного содержания, которое военное министерство принимало на свой счет.

Совершенно ясно, что лица, командированные в Россию германским генеральным штабом, являлись крупными немецкими шпионами, имевшими специальные задания от разведывательных органов.

Вопросами организации шпионажа в иностранных государствах под маркой торговых и промышленных фирм германское правительство всегда уделяло исключительно большое внимание. В 1902 году в Берлине целую не-

делю подряд заседала комиссия рейхстага, вырабатывая руководящие указания немецким заграничным фирмам. Комиссию консультировали видные немецкие генералы — Фок, Фалькенгайн, Безелер, Макензен и Луиц. Обстоятельно и кропотливо разработанный план создания агентуры для шпионажа и внесения замешательства в тылу неприятельской армии предусматривал следующие основные мероприятия:

«1. Немецкие фирмы должны вести осведомительную службу в интересах Германии; 2. Фирмы в число своих служащих обязаны принять официальных агентов германского военного министерства; 3. Фирмы, по предписанию окружного германского тайного агента, консула, посланника или специального эмисара обязаны исполнять все поручения германского правительства; 4. Фирмы, несущие такую «осведомительную» службу, должны, не опасаясь убытков, принимать подряды и поставки в крепостных районах, на железнодорожных магистралях и в важных стратегических и узловых пунктах; 5. Германское казначейство восстанавливает все понесенные такими фирмами убытки; 6. Фирмы обязаны иметь свои конторы или представителей в тех городах, где находится посол, консул или вице-консул для непосредственных сношений с этими правительственными агентами; 7. Фирмы должны следить за настроением общества данной страны и за от-

зывами печати о Германии и о сношениях с нею».

Таким образом торгово-промышленные фирмы получили совершенно точное предписание систематически и в широких масштабах проводить шпионаж в пользу Германии. И фирмы неукоснительно претворяли в жизнь указания германской разведки.

В России на поприще шпионажа громкую известность приобрело акционерное общество «Зингер».

Официально это общество числилось американским. В Америке действительно существовало правление фирмы «Зингер», но никакого влияния на дела в России оно не имело. Все руководство деятельностью фирмы на территории русского государства исходило из Берлина.

Компания «Зингер» имела строго продуманную систему построения, обеспечивающую сбор шпионских сведений почти по всей стране. Все области России, обслуживаемые фирмой, были разбиты на 4 района, во главе которых стояли так называемые вице-директоры. Районы, в свою очередь, подразделялись на «депо», в распоряжении которых находились отдельные агенты на местах. Согласно данным русской контрразведки, сбор шпионских сведений проводился следующим образом:

«Каждый агент компании «Зингер» обязан изучить обслуживаемую им местность во

всех отношениях и представлять несколько раз в течение года особые списки населенных пунктов, включительно до мелких выселков, с точным указанием числа дворов и жителей этих пунктов. В распоряжении заведующих депо имеются карты, официального издания переселенческого управления, причем эти заведующие должны, согласно полученным от агентов спискам населенных мест, исправлять эти карты. Управляющие центральными отделениями, снабженные картами издания военно-топографического отдела главного управления генерального штаба, объезжая заведующих депо от трех до пяти раз в год, делают в своих картах соответствующие пометки, обозначая места квартирования представителей администрации, расположения войск, складов, железнодорожных узлов, сооружения и исправляя, по указаниям заведующих депо, число жителей, количество войск, рабочих на фабриках и заводах и т. п.».

Особенно тщательно изучали агенты частичные и всеобщую мобилизации, выясняя общее число и годы призывников, а также как проходили мобилизации и как относилось к ним население.

Другая крупнейшая шпионская организация прикрывалась вывеской фирмы «Кунст и Альберс», монополизировавшей в своих руках почти всю торговлю на Дальнем Востоке. Один из владельцев этой фирмы немец Даттан принял русское подданство и дослужился

до чина действительного статского советника. Жертвуя большие суммы на военные нужды России, он в то же время передавал немецкой разведке массу ценнейших военных сведений. Во время одной из бесед со своими служащими, кстати сказать в большинстве своем немецкими офицерами, Даттан следующим образом объяснил свою «благотворительность» к русским: «Вы думаете, что я все это делаю с удовольствием? — Нет, это все не то... Мало ли что приходится делать, чего не хочешь, чтобы иметь возможность потом делать то, что хочешь. Это та же взятка, но только под другим соусом».

Давая такую взятку, «статский советник» обеспечивал себе тем самым возможность «делать то, что хочешь», т. е. шпионить в пользу немцев без особых помех со стороны русских властей.

Семья Даттана жила в Германии и пользовалась особым покровительством принца Генриха Прусского. Сын Даттана—Адольф после объявления войны вступил добровольцем в германскую армию, чтобы сражаться против русских, а сам глава семейства оставался в России, чтобы своей шпионской деятельностью способствовать победе германского оружия.

Все служащие фирмы «Кунст и Альберс» активно занимались шпионажем. С этой целью между ними были распределены сферы наблюдения. Так, например, фон-Вейне и Младек производили снимки местности и занима-

лись сбором сведений о сухопутных войсках; Занвальд и Рюге собирали и сообщали сведения по флоту. Два сына Даттана, служившие в русской армии, присылали оттуда ценнейшие материалы о положении на фронте. Взяв на себя подряд на снабжение войсковых частей в крепостях Владивосток и Николаевск на Амуре, фирма получала возможность тщательно изучить эти русские крепостные сооружения. Доверенный фирмы—Герман Кетельс, проживавший в г. Николаевске на Амуре, производил огромные расходы на угощение и подкуп связанных с строительством крепости лиц и, поставив их в экономическую зависимость, получал все интересующие шпионскую организацию сведения.

Собранные со всех концов России шпионские сообщения передавались германскому консулу во Владивосток, а после начала войны—немецкому посольству в Китае.

Фирма «Кунст и Альберс» держала тесную связь со многими шпионскими группами и отдельными крупными шпионами. В 1912 году, по поручению немецкого генштаба, к Даттану приезжал из Германии поручик Рауш, который передал шпионской организации новые задания германской разведки. В сентябре 1914 года во Владивосток прибыл директор Путиловского завода Курт Орбановский, доставивший Даттану желтый кожаный чемодан и портфель с секретными материалами, собранными в Петрограде. Во время обыска у

Орбановского полиция успела захватить: судостроительную программу, технические условия на поставку предметов из никелевой стали, выдержки технических условий русского морского министерства за 1913 г., перечень материалов, необходимых для Ижевского завода, и технические условия для поставки металлического антимона на Петроградский патронный завод. Остальные, повидимому, не менее важные документальные материалы, обнаружить не удалось, так как они заранее были спрятаны служащими фирмы.

Несмотря на многочисленные факты, свидетельствовавшие о шпионской деятельности фирмы Даттана и Альберса, несмотря на неоднократные сигналы газет «Русский Восток» и «Свет», — царское правительство не принимало никаких мер к ликвидации преступной шайки. Это и понятно. Крупнейшие царские сановники были своевременно подкуплены фирмой. Известно, например, что вице-губернатор Приморской области В. И. Ладыжинский получил от Даттана взятку в сумме 12 тысяч рублей. Только на второй год войны, когда по всей России стали возмущаться бездействием охранного отделения, Даттан был арестован. После обыска у 54 служащих фирмы были обнаружены многочисленные документы, фотоаппараты, карты и планы укреплений и т. д. Сам Даттан во время обыска у него в доме пытался незаметно уничтожить компрометирующие его докуметы.

Стоя у окна, он рвал в карманах бумаги и выбрасывал небольшими клочками во двор...

Казалось бы, что после получения неопровержимых документальных данных о шпионской деятельности фирмы правительство должно было принять суровые меры к матерому германскому шпиону. Но ничего подобного не произошло. Благодаря поддержке царских министров Маклакова и Фредерикса и приамурского генерал-губернатора Гондатти, Даттан не был даже предан суду, а только выслан в Нарымский край.

Обширную шпионскую сеть в России организовали братья Шпан, создав для этого товарищество по торговле машинами, металлами, металлическими изделиями и оптическими приборами под общим названием «К. Шпан и сыновья». Константин Шпан являлся одним из крупнейших капиталистов. Он был одновременно представителем правлений: Акционерного Русского общества для изготовления снарядов и военных припасов, Русско-Балтийского судостроительного и механического общества, Петроградского строительного товарищества на паях, завода Барановского, а также членом правления общества Путиловских заводов, Невьянского механического и судостроительного завода и акционером общества «Сименск-Шуккерт».

Имея весьма широкие связи в дворянских кругах и на военных заводах, Шпан и его агенты доставляли германской разведке са-

мые секретные данные о русской военной промышленности. При таком положении дела неудивительно, что один из немецких журналистов опубликовал сугубо секретную программу русского военного судостроения еще до того, как эта программа была принята на закрытом заседании государственной Думы.

В южных районах России действовали шпионы из акционерного общества «Гуго Стиннес» и связанного с ним торгового дома «Островский и Сиракузов». Здесь же подвизался председатель правления Бокко-хрустальных угольных копей, член военно-промышленного комитета инженер Кольберг.

В северных и северо-западных районах шпионили служащие Тентелевского химического завода фирмы «Гергард и Гей», «Книпп и Вернер», «Плюйм Окс», «Артур Коппель» и многих других. У одного из агентов фирмы «Артур Коппель» при обыске было обнаружено подробное описание Ковенского и Двинского укрепленных районов. Выяснилось также, что руководство всей шпионской работой среди служащих этой фирмы исходило от директора петроградского отделения Кутцосера и инженера Клебера.

В Сибири, перед войной, был широко известен немец Вольфганг Майман. Он являлся председателем экспортеров сливочного масла и сосредоточил в своих руках не только скупку всего сибирского масла, но и продажу маслоделам гвоздей, бочек, дубовой клепки,

веревок и даже фсгожи. Никто не обращал внимания на предприимчивого коммерсанта. А Майман, между тем, занимался не только торговлей, но и досконально изучал железнодорожное дело в России. Вернувшись в Германию, он сделал в июне 1914 года в Политехническом обществе обстоятельный доклад на тему: «Война и беспомощность железнодорожных артерий в России». Спустя месяц этот доклад был заслушан в генеральном штабе в Вене.

Немало шпионов имела германская разведка во всевозможных конторах, магазинах, гостиницах и т. д. А так как по данным русской контрразведки не существовало «ни одного города в России, где бы не было немецких торговых предприятий и немецких или обслуживаемых немцами гостиниц и ресторанов», то, естественно, что даже в самых незначительных пунктах русского государства немцы имели своих агентов.

Мощный аппарат германского шпионажа представляли из себя добровольные немецкие общества. Германский генеральный штаб еще в 1882 году разработал обстоятельный проект разведки при помощи различных немецких обществ, организуемых в соседних странах. В России их было настолько много, что нет никакой возможности перечислить даже с приблизительной точностью. Достаточно сказать, что в одном Петрограде насчитывалось 19 таких обществ. «Всенемецкий Союз» (Альдейч-

шер Фербанд) имел свои отделения в 24 городах страны. Курляндское контрольное общество скотоводства имело 29 групп, которые охватывали всю Прибалтику. Разумеется, что «животноводы» больше занимались наблюдением за военными объектами, чем за скотоводством. Об этом наглядно свидетельствует руководящий состав общества, состоявший сплошь из офицеров германского генерального штаба. Но особенную активность на поприще шпионажа проявило германское флотское общество «Флот-Ферейн». С помощью своих агентов общество составило точные навигационные карты Либавского и Рижского рейдов, Белого моря и Дальневосточного побережья.

Во время обыска у одного из членов флотского общества Эдуарда Бемера были обнаружены новейшие приспособления для топографических работ; у другого члена союза—Бергау оказалось холодное и огнестрельное оружие, планшетки для маршрутной съемки и подробный план одесского порта с многочисленными заметками. У владельца кинематографа Штремера во время обыска был найден даже аэроплан.

«Флот-Ферейн» не только собирал шпионские данные по России, но и пытался внутри страны изыскать денежные средства для расширения своей подрывной деятельности. Известной немецкой шпионке великой княгине Марии Павловне удалось, например, в 1915 г.

собрать на нужды «Флот-Ферейна» 15 миллионов рублей.

Не менее энергично действовали и страховые общества. Страхуя то или иное предприятие, немецкие агенты требовали представления самых подробных планов, чертежей, описей имущества, а также спецификаций земельных участков, построек, оборудования фабрик, заводов, пароходов и т. д.

Полученные данные страховое учреждение размножало в двух копиях, одну из которых направляло в германский генеральный штаб, а другую в центральное военно-статистическое бюро, где существовал специальный «стол сведений от страховых обществ» во главе с доцентом Круллем.

«На основе этих сведений, — говорится в одном из документов, — германская главная квартира знала будущие плацдармы, планы городов, отдельные важные в стратегическом отношении постройки, количество и качество запасов продовольствия и товаров, степень оборудования фабрик и заводов противника, а также рейсы и характер грузов пароходов и парусников». Именно подобной информацией о состоянии русской промышленности и объясняется тот факт, что в феврале 1915 года профессор Иоганн Керберг прочел в Лейпциге публичную лекцию о слабости русской промышленности, иллюстрируя ее чертежами Путиловского, Коломенского, Сормовского и других заводов.

Использование немецких колонистов в целях шпионажа

Крупную роль в системе подрывной работы германской разведки в России играли колонисты. Начало немецкой колонизации относится примерно ко второй половине XVIII столетия, но тогда царское правительство поселяло выходцев из Германии вдалеке от границы. В конце XIX и начале XX века эмиграция из Германии значительно возросла, при этом расселение производилось, главным образом, в западных губерниях.

Как и размещение германских торгово-промышленных фирм, заселение немцами русских земель производилось согласно указаниям, исходящим от германского главного штаба. Лица, намечавшиеся к переселению, тщательно проверялись с точки зрения их «политической благонадежности» и преданности идеям германизма. Только после того, как германская разведка убеждалась в том, что «колонист» готов к выполнению ее заданий, ему предоставлялась возможность выехать из Германии и оказывалась всяческая материальная поддержка. Места поселения также намечались, исходя из стратегических соображений генерального штаба.

Немецкая колонизация в России шла по четырем основным стратегическим путям:

1. Через прибалтийские губернии по направлению к Петрограду.

2. Через Польшу, Волынь и Украину на Волгу и дальше по Сибирской железной дороге до Красноярска—центра хлебородного района.

3. Пересекая Крым и Кавказ по направлению к железным дорогам, сооруженным немцами в Малой Азии, и дальше к Персидскому заливу.

4. От Среднего и Нижнего Амура до реки Ушапоу на Тихоокеанском побережье, захватывая богатейший угольный, нефтяной, рудный и хлебородный район.

Об интенсивности насаждения немецких колонистов в России можно судить по тому факту, что к началу мировой войны в России насчитывалось свыше 2 млн. немцев, тогда как в африканские и другие колонии Германии было переселено в течение 30 лет (до 1914 г.) только 20 тыс. человек.

На карте «Распространение немцев в Восточной Европе», составленной профессором географии Грейфсвальдского университета Максом Фридерехсеном, нанесены любопытные данные о плотности немецкого населения в России. Наибольшая густота немецкого населения была в Польше, Прибалтийском крае, Поволжье и по границам Русского государства, важным в стратегическом отношении.

В одной только Польше в 1913 году насчитывалось более 500 тысяч немцев. При этом наибольшая плотность (на 1000 русских более 100 человек немцев) падает как раз на ту

часть Польши, которая была избрана германским главным штабом для наступления к Варшаве.

Большой плотностью немецкого населения отличался и район Калиш—Ченстохов—Бзуре, т. е. тот самый район, который представлял во время войны так называемое Млавское направление, где германские войска вели наступление на Цеханов и Прасныш.

Немецкие поселения располагались вдоль шоссе Киев — Брест-Литовск и по дорогам, ведущим к жизненным центрам страны. Крупные крепости и города, важные в стратегическом отношении, со всех сторон были облеплены немецкими поселками и колониями. Так, например, в Волынской губернии, вокруг крепости Ковно, проживало 15 тысяч немцев. Крепость Ивангород также была окружена многочисленными немецкими поселениями.

Опасность такого расселения немецких колонистов была замечена уже давно. Еще в 1881 г. начальник штаба Киевского военного округа генерал Косич писал: «Наплыв немецких поселений в Юго-Западном крае дал основание предполагать, что все это идет систематически и поддерживается германским правительством, что у нас организуется и обучается целое германское воинство».

В 1887 году правительство Александра III предприняло выселение немцев из пограничных районов. Эта мера вызвала одобрение в

целом ряде стран. Английская газета «Таймс» писала: «Не надо забывать, что большинство выселенных колонистов состоит в резерве германской армии и что в случае войны они могли бы неожиданно организовать враждебные банды, уже знакомые с топографией края, с его средствами и спокойно занимающие самые важные стратегические пункты».

Меры предосторожности, предпринятые в 80-х годах XIX в., не были, однако, доведены до конца, а после вступления на престол Николая II они и вовсе прекратились. Сильная прогерманская группировка при дворце, возглавляемая царицей Александрой Федоровной, делала все, чтобы облегчить колонизационную деятельность Германии.

Автор вышедшей в Германии перед войной брошюры: «Где находится большая часть Германии» имел немалые основания утверждать, что она находится «В России от Балтийского до Черного моря». Тот же автор сообщал, что в России «...Мы найдем земляков, на которых можем опереться и, таким образом, не подвергая себя голоду, заставим русских с голоду подписать угодные нам условия мира...»

Надежда германских захватчиков на своих «земляков» имела под собой довольно твердые основания. Огромная масса немецких колонистов являлась активными агентами германской разведки. Каждый год немецкие поселения посещали пасторы, военные инструк-

тора, правительственные чиновники, приезжавшие из Берлина с особыми заданиями. Перед войной такие «путешествия» совершили: доктор Грот и доктор фон-Вейкман — на Кавказ, проф. Гассе — на юг России, доктор Альдингер — на Волгу, капитан Рауш и инженер Орбановский — на Дальний Восток. О двух последних достоверно известно, что они являлись матерыми шпионами. Есть все основания полагать, что и остальные «профессоры» принадлежали к той же компании.

По заданию из Берлина, при щедрой помощи германского правительства, среди немецких колонистов широко практиковалась организация различных культурно-просветительных обществ, ставивших своей целью поддержку «германского духа».

Особенно большое внимание уделялось стрелковым обществам, в которых немецкая молодежь, под руководством специально присланных инструкторов, изучала военное дело. Характерно, что те же самые немцы систематически уклонялись от воинской повинности. Во время призыва 1909 года из 753 немцев-колонистов, внесенных в призывные списки по Новоузенскому уезду Саратовской губернии, явилось только 25%. Ввиду того, что уклонение вошло в систему, пришлось ставить вопрос о выделении немецких волостей в особый призывной участок.

Ежегодно германские и австрийские консулы рассылали колонистам опросные листы,

ответы на которые давали весьма точную картину местной жизни края. Собранные материалы пересылались в Петроград в германское посольство, где их подвергали соответствующей обработке и отправляли затем в военно-статистическое бюро Военного министерства.

Сведения, собираемые шпионами-колонистами, давали возможность германской разведке прекрасно изучить в военно-стратегическом отношении районы, в которых развернулись, впоследствии, военные события. Согласно сообщению газеты «Русское слово», немцы настолько тщательно ознакомились с будущим плацдармом войны, что заранее знали, чем они могут поживиться в том или ином доме. Варшава, например, сообщала газета, была «ими давно изучена. Мало того, даже распределена. В штабах их войск имеется точное указание, в каких частях города расположиться каким войскам: где артиллерия, где пехота, где конные полки. Больше: намечены дома и квартиры для штабов, для отдельных чинов высшего офицерства. Словом, немцы предполагали, войдя в Варшаву, сесть на извозчиков и ехать каждый в свою облюбованную квартиру».

На основе данных немецких колонистов в Германии была издана в малом масштабе тщательно разработанная карта. На карте отмечены колокольни, церкви, до тонкости разработана сеть дорог, включая и мелкие про-

селочные. Обозначены болота, пески, леса, маяки на морях, одним словом все детали, важные в стратегическом отношении. Помимо этого вся карта испещрена едва заметными для невооруженного глаза условными значками различной величины и формы. Они обозначали все русские крепостные сооружения, и, что «особенно интересно, — говорится в одном из документов — «форты», т. е. те строения немецких колонистов, которые были построены под видом амбаров и т. п. зданий для целей немецкого наступления в случае войны».

И действительно, как только вспыхнула война, русская армия столкнулась с целым рядом сюрпризов.

В октябре 1914 года части Северо-Западного фронта двигались по русской территории к границам Германии. Неожиданно возле ст. Вержболово они были встречены бешеным артиллерийским и пулеметным огнем. Командование растерялось. Войска находились в нескольких километрах от русского города Владислава, но не могли пройти через него в Германию. Создалось впечатление, что немцы прорвали русский пограничный рубеж и оперируют в районе Вержболово—Владислав. Только спустя несколько дней выяснилось, что дорогу русским солдатам преградили крепости, построенные немецкими колонистами под видом имений. Пять дней, с 18 по 23 октября, войска штурмовали «имение»

Шукли, а когда заняли его, то оказалось, что оно представляло собой долговременное укрепление, построенное по всем правилам фортификации. Огромный каменный дом был построен на манер немецкой крепостной казармы. Толстые стены, бойницы вместо окон и странное расположение комнат, свидетельствовали о том, что хозяин имения заботился вовсе не об удобствах мирной фермерской жизни. С севера к дому примыкал большой сад, огороженный монументальной, метра в 2 толщины, железобетонной стеной с высокой острой решеткой. За стеной были устроены великолепные окопы и блиндажи.

С юга и с запада двор прикрывали такие же железобетонные стены с бойницами для винтовок и пулеметов. Отсюда шли подземные ходы к темнеющему вдали густому лесу. С восточной стороны дома расстилалась огромная поляна, расчищенная от леса. Через всю поляну по направлению к дому тянулся ряд искусственных лощин и канав, наполненных водой. Шагах в 300 от «имения» поляну пересекала глубокая речка, поросшая камышом, который служил маскировкой для проволочного заграждения.

Когда русские войска повели наступление на «имение» колонистов, они, естественно, втянулись в лощины и попали под убийственный пулеметный огонь, так как лощины были заранее пристрелены и являлись своего рода ловушками.

С огромными потерями солдаты прорвались к реке, но встретили здесь густую колючую проволоку. А пулеметы между тем продолжали строчить. Орудия, установленные во дворе «имения», непрерывно обстреливали город Владислав. Сотни русских солдат погибли при овладении этим препятствием. Когда же оно было взято,—в имении Шукли не оказалось ни одной души. Немецкие диверсанты скрылись через подземные ходы.

В нескольких километрах от Шукли был обнаружен второй укрепленный пункт—имение Поражнево. Эти две замаскированных крепости, построенные на русской земле шпионами-колонистами, на целых 5 дней задержали наступление русской армии.

В ходе войны коварная и предательская роль немецких поселенцев подтверждалась все новыми и новыми фактами. В Прибалтике были обнаружены площадки для спуска самолетов, склады горючего, оружия, сторожевые вышки и т. п. Во многих местах немцы заранее заготовили бетонные основания для немецких тяжелых орудий и построили укрепленные пункты, на манер Шукли и Поражнево.

Вся эта подрывная деятельность немецких поселенцев могла проводиться в таких широких масштабах только потому, что царское правительство не только не вело никакой борьбы с немецким засилием в стране, но

всячески способствовало всевозможным германским проходимцам.

Немецкая агентура в высших правительственных и военных учреждениях царской России

Помимо шпионажа посредством торгово-промышленных фирм и немецких колонистов, германская разведка имела в России десятки других шпионских центров, тесно связанных с германским посольством. В Петрограде орудовала группа во главе с офицером германского генштаба Зигфридом Геем, проживавшим в России под видом представителя одного из немецких телеграфных агентств. В районе Варшавского военного округа действовала группа под руководством немецкого консула графа Лерхенфельда. Матерый шпион К. Г. Вальтер занимался организацией шпионажа на Дальнем Востоке и в Сибири. Австрийский консул Геринг, державший тесную связь с германской разведкой, возглавлял шпионский центр на юге России. Подобную же миссию на Кавказе выполнял немецкий консул в Тифлисе граф Шуленбург. В районе Киевского военного округа активную шпионскую деятельность развернул крупный коммерсант и промышленник Александр Альтшиллер. Наряду с военным шпионажем, он проводил вербовку новых агентов, обращая особое внимание на военных. Характерным с этой точки зрения является вовлечение в

шпионскую организацию генерала Сухомлинова, командующего Киевским военным округом, а впоследствии военного министра.

Опытный немецкий шпион Альтшиллер тщательно изучил личную жизнь генерала и нашел слабое место, которое позволило ему наметить правильный путь к осуществлению своей цели. Шестидесятилетний генерал находился в интимных отношениях с женой Киевского помещика Екатериной Бутович. Молодая легкомысленная женщина, любительница разгульной жизни и роскошных нарядов, без особых затруднений была спутана шпионской сетью и стала деятельной помощницей Альтшиллера. Вскоре она познакомила Сухомлинова с Альтшиллером и другими немецкими шпионами. Неожиданно для себя Сухомлинов оказался в окружении германских шпионов. День за днем Альтшиллер ловко входил в доверие генерала, а после того, как он успешно провел бракоразводный процесс Екатерины Бутович с ее старым мужем и дал возможность дряхлому старику жениться на двадцатидвухлетней красивой авантюристке, он стал своим человеком в семье Сухомлинова. Екатерина Бутович (теперь уже в качестве жены Сухомлинова) тратила бешеные деньги на наряды и любовников. Только за три года (1912—1915) она истратила 76.462 рубля на платья и безделушки. Сухомлинов, разумеется, не имел возможности оплатить все расходы расточительной жены, и здесь на помощь

охотно приходил Альтшиллер. Постепенно Сухомлинов оказался целиком в руках германской разведки. При его содействии немецкие шпионы получали важнейшие документы военного министерства.

Деятельным помощником Альтшиллера являлся чиновник военного ведомства Иванов, завербованный в шпионскую организацию в 1909 году. С помощью Сухомлинова шпионская группа добилась присвоения Иванову чина полковника и этим еще больше привязала его к себе. В порыве благодарности, полковник Иванов систематически передавал германской разведке секретнейшие документы Главного артиллерийского управления и Артиллерийского комитета. Используя свое служебное положение, Иванов присутствует на всех секретных совещаниях, участвует в комиссиях по испытанию новых видов орудий, обследует крепостные сооружения, а результаты регулярно сообщает своим немецким хозяевам.

Подобную же роль выполнял и другой шпион—инженер Николай Гошкевич, двоюродный брат жены Сухомлинова. Германская разведка использовала Гошкевича и его жену, красивую и распутную женщину, для пересылки за границу шпионских донесений. Супруги Гошкевичи представляют собой яркий пример морального падения. О их нравственном лице можно судить хотя бы по тому, что любвеобильная Анна Андреевна с согла-

ся мужа делила свою постель с другим германским шпионом — Максимом Веллером. Именно такие люди, как Гошкевичи, не имевшие никаких моральных устоев, и составляли основной кадр немецкой разведки.

Крупного шпиона в России имела германская разведка в лице известного Мясоедова. Шпионская карьера этого авантюриста началась, примерно, в 1903 году и продолжалась вплоть до 1915 года. Исполняя должность заместителя, а потом и начальника вержболовского отделения Петербургского железнодорожного жандармского управления, Мясоедов имел широкие возможности для своей подрывной деятельности. Частые поездки за границу «на лечение» давали ему возможность беспрепятственно провозить в Германию ценнейшие сведения и документы. В тех случаях, когда ему не удавалось самому побывать в Берлине, он передавал собранные материалы Анне Гошкевич, которая регулярно навещала его во время поездок за границу.

Немецкая разведка весьма высоко оценивала услуги Мясоедова. В сентябре 1905 г. сам Вильгельм пригласил его в имение Роминтен, где дал в его честь роскошный обед. Тесная связь Мясоедова с германскими властями уже в 1905 году вызывала подозрение, но только спустя два года, под давлением общественного мнения, он был уволен в отставку. Эта мера нисколько не помешала Мясоедову продолжать шпионаж в пользу Гер-

мании. Совместно с немецкими агентами Борком и Самуилом Фрейдбергами он учреждает акционерное общество «Северо-западное пароходство», под ширмой которого ведет обширную шпионскую деятельность. «Северо-западное пароходство» посредством многочисленных агентов собирало богатейшие военно-экономические сведения по всей стране и регулярно переправляло их за границу. Вместе с этим оно провозило в Россию сотни немецких разведчиков и диверсантов.

Вокруг Мясоедова группировалась кучка шпионов, занимавших видное положение в государстве. Так, например, барон Гротгус долгое время «работал» чиновником особых поручений при петербургском генерал-губернаторе Трепове, который оказывал ему всяческую поддержку. С помощью Трепова Гротгус устроился в департамент полиции и получил доступ к секретнейшим материалам. Здесь же служил другой немецкий шпион Оттон Фрейнат, организатор кровавого еврейского погрома в Кишиневе в 1903 году. Гротгус и Фрейнат пользовались особой поддержкой директора департамента полиции Трусевича. Только после ряда скандальных историй барон Гротгус был уволен из полиции, но сейчас же нашел убежище в обществе шпионов и контрабандистов, носившем название «Северо-западного пароходства».

Как ни скрывал Мясоедов свои темные дела, все же отрывочные сведения об истин-

ной роли «пароходства» начали проникать в печать.

В 1909 году министерство внутренних дел было вынуждено начать расследование деятельности акционерного общества Мясоедова.

Расследование было вручено чиновнику особых поручений Фрейнату, тому самому Фрейнату, который являлся активным членом шпионской шайки Мясоедова. Разумеется, что он постарался полностью реабилитировать своего негласного начальника. В донесении по поводу расследования Фрейнат писал: «Северо-западное пароходство является чисто коммерческим учреждением и никакими противозаконными делами не занимается».

Министерство удовлетворилось представленными выводами, а «пароходство» продолжало заниматься преступной деятельностью. Круг мясоедовских сподручных расширялся. Ценнейшие материалы о состоянии снабжения русской армии доставлял в шпионскую организацию начальник одного из отделений интендантского управления генерал Грейфман. Его донесения позволили германской разведке составить точное представление о степени подготовленности России к снабжению солдат обмундированием и провиантом на случай войны.

В тесном контакте с Мясоедовым «работали»: «корреспондентка» берлинских газет Анна Лурих, барон Унгерн-Штернберг, «док-

тор философии» Полли-Полачек и многие другие тайные агенты германской разведки.

В 1909 году Мясоедов познакомился с военным министром Сухомлиновым, и с этого периода начинается их совместная деятельность на поприще шпионажа. Они вместе выезжают «лечиться» на немецкие курорты, устраивают пышные банкеты, обсуждают секретные военные мероприятия русского правительства. После каждой беседы с царем Сухомлинов делился своими впечатлениями с Мясоедовым, Гошкевичем и Альтшиллером, а спустя несколько дней в германском генеральном штабе уже знали все подробности аудиенции у царя, вплоть до подлинных выражений Николая.

За несколько лет до войны немецкая разведка потребовала от Мясоедова возвращения его на военную службу. Предыдущие скандальные истории делали этот шаг трудным даже для такого проходимца как Мясоедов. Тем не менее он обратился к царю с просьбой о зачислении его в корпус жандармов. Сухомлинов горячо поддержал своего друга, и в 1911 году Николай II через голову министра внутренних дел приказал восстановить Мясоедова на службе в отдельном корпусе жандармов. А через несколько месяцев матерый шпион был переведен в военное министерство. При этом ему было поручено заведывать как раз тем отделом, который должен был бороться с иностранным шпионажем.

Таким образом, немецкому шпиону доверялась защита интересов государства от немецкой разведки. Разумеется, что при таких условиях о серьезной борьбе с германским шпионажем не могло быть и речи. Более того, в результате назначения Мясоедова ставилась под угрозу работа русской заграничной разведки. Германский генеральный штаб требовал от своего агента данных о личном составе и методах работы русской разведки в Германии, и Мясоедов, по имеющимся у него данным, регулярно информировал по этому вопросу своих хозяев. Так, пользуясь поддержкой Сухомлинова, великих князей и княгинь, немецкие шпионы превратили военное министерство в своего рода шпионскую резиденцию.

Шпионаж во время первой мировой империалистической войны

В августе 1914 года вспыхнула первая мировая империалистическая война. Провожая войска на фронт, Вильгельм II патетически воскликнул: «Еще до осеннего листопада вы вернетесь с победой». С целью обеспечения победы «до осеннего листопада» германская разведка потребовала от своих агентов еще более решительных и активных действий. В связи с этим наиболее крупные и опытные шпионы были закреплены за отдельными фронтами.

По Южному фронту особую активность

проявляли Владимир Хитрово, Павел Беккель, член Военно-промышленного комитета Кольберг, великая княжна Мария Павловна (старшая) и др.

По Северному и Северо-Западному фронтам шпионские сведения собирали: личный секретарь председателя совета министров Горемыкина — статский советник барон фон-Шёлькинг, его сестра Ольга Николаевна Сименговская-Курилло, помощник присяжного поверенного Осип Лунц и его жена, баронесса Штампель и многие другие.

Во время войны немецкий шпионаж возрос во много раз. Теперь, наряду с кадровыми шпионами-профессионалами, годами занимавшимися своим тайным ремеслом, к шпионажу привлекались сотни и тысячи людей самых различных профессий. Помимо генерального штаба, ведавшего шпионажем в глубоком тылу и руководившем наиболее крупными шпионами в действующих армиях, существовала шпионская сеть под руководством разведывательных отделений штабов армий, корпусов, дивизий.

В целях подготовки шпионских кадров, в непосредственной близости от фронта был организован ряд специальных школ, в том числе Люблинская, Любишевская и др. Для обучения шпионажу детей и подростков были созданы школы в с. Дубовец, Люблинской губернии в с. Березинском Волынской губернии,

в Варшаве, Ковно и в ряде других пунктов прифронтовой полосы.

Документальные данные контрразведывательных учреждений царской России позволяют утверждать, что как количество школ, так и число обучающихся в них шпионов достигали в годы войны больших размеров. Только в одной Варшавской школе для малолетних шпионов регулярно обучалось 72 мальчика и 300 девочек. В остальных школах обучалось от 30 и более шпионов в каждой.

Сроки обучения в школах и шпионов-одиночек были различны и колебались от 2 недель до 5 месяцев в зависимости от важности агентов, которых готовила та или иная школа. Например, Люблинская школа курс обучения своих шпионов заканчивала в 2 недели; Любишевская школа—в 3 недели.

В школах преподавались самые разнообразные предметы. В числе этих предметов была топография, подрывное дело, стрелковое дело, построение русской армии, методы передачи донесений и другие. Только после того как завербованный шпион проходил определенный курс подготовки, его направляли для выполнения заданий.

Линию фронта немецкие агенты переходили или нелегально или вполне легально под видом беженцев, бродячих музыкантов, нищих, перебежчиков и т. д.

В этих же целях широко использовались нейтральные (не участвующие в войне) стра-

ны, в особенности скандинавские государства. Близкое расположение Скандинавии к России и усилившиеся торговые отношения намного облегчили осуществление задач германской разведки. В Швеции немцы создали стройную систему, обеспечивающую как получение шпионских донесений из России, так и переброску туда своих агентов. Центральное организационное бюро, находившееся в Стокгольме, имело 7 основных отделов: военный, разведывательный, контрразведывательный, морской, экономический, политический для России и политический для нейтральных стран. Под непосредственным руководством центрального бюро действовали: военно-разведывательное бюро, немецкое общество помощи, немецкий клуб, северное бюро путешествий и контора Франка К. Юрке. Помимо этого, при германском посольстве существовала самостоятельная шпионская организация во главе с послом, опытным шпионом фон-Люциусом, бывшим до войны советником германского посольства в Петрограде. Имелись также отделения центрального бюро в Копенгагене, Христиании, Мальме, Гетеборге, Бергене, Хапаранде и много мелких групп на границе с Россией.

В 1916 году департамент полиции установил, что для получения сведений из России немцы использовали главным образом купцов, приказчиков, артистов и артисток.

Снабженные паспортами нейтральных стран,

шпионы и диверсанты переправлялись через шведско-финскую границу в определенных, заранее подготовленных пунктах. «Переход нелегальным путем нашей границы, — сообщалось в циркуляре департамента полиции — не представляющий особенной трудности, облегчается еще тем, что все агенты пользуются содействием Хапарандского отделения Далена, специальной задачей коего является переотправка через границу агентов, их документов, посылок, донесений и пр.».

Подобные же пункты для переправки агентов имела германская разведка и в других местах. Очутившись на территории русского государства, немецкие шпионы принимали такую личину, которая наилучше обеспечивала достижение намеченной цели. «Приемы неприятельской разведки в тылу и профессии, которыми занимаются шпионы, — говорится в одном из документов русской контрразведки, — поражают своим разнообразием. Тут встречаются артисты и артистки кафе-шантанов, проститутки, уголовные преступники, лакеи в ресторанах, продавцы товаров, фокусники, мальчишки-подростки, нищие-калеки, фабричные и заводские рабочие, железнодорожные агенты, инженеры и т. д. и т. д. Особенно охотно пользуются наши враги для разведки кафе-шантанными артистками и проститутками. Для этой цели выбираются женщины красивые, изящные и интересные».

Летом 1915 года австро-германская разведка привлекла в свою организацию люблинскую проститутку Марию Цибульскую. По донесению русской контрразведки, красивая молодая женщина пользовалась большим успехом. Ее подруга Елена Невенгловская — высокая полная брюнетка, также показывала способности к шпионажу. После соответствующей подготовки обе шпионки были переброшены в тыл русской армии, где они успешно вели шпионаж — первая в районе Столбцы—Минск—Несвиж, а вторая в городе Бобруйске.

5 мая 1916 года невдалеке от передовых позиций, возле с. Цумани была задержана некая Акулина Дьякова. На допросе Дьякова показала, что она вместе с девятью девушками и девятью парнями перешла в ночь на 4 мая линию фронта с целью шпионажа в пользу австро-германцев. Девушки имели задание «входить в связь с нижними чинами, попутно выпытывая расположение русских частей».

В целях маскировки шпионажа германская разведка широко использовала для своих преступных целей мальчиков и девочек в возрасте 12—16 лет. В течение 1916 г. были многочисленные случаи задержания малолетних шпионов. В ночь с 7 на 8 июня 1916 года на ст. Здолбуново был задержан 12-летний мальчик Александр Радонежский. На допросе он рассказал, что «с момента занятия австрийскими войсками Люблинской губернии, с июня

месяца 1915 г. по 1 ноября 1915 года он обучался в топографической школе шпионов, находящейся в селе Дубовец той же губернии». В ноябре 1915 года 28 ребятишек из Дубовецкой школы, разбившись на группы, пробрались через Румынию в Россию. Группа, в которую входил Радонежский, долгое время работала в Киеве, где фотографировала карманными аппаратами мосты и вокзалы. По признанию юного шпиона такие же шпионские группы были посланы в Одессу, Петроград и Москву.

В начале 1916 г. в районе одной из армий Юго-Западного фронта был задержан шпион-гимназист Леонард Рембицкий. По показанию Рембицкого, после окончания Варшавской шпионской школы юные разведчики небольшими группами прикомандировывались к войсковым частям и поодиночке высылались на разведку в расположение русских армий. В марте 1916 года для сбора сведений в Двинском районе было послано 30 мальчиков и 18 девочек. Рембицкий, в частности, имел задание узнать, какие части войск и артиллерии расположены в Риге, выяснить цены на продукты и настроение жителей.

8-летний шпион Костя Мельников, задержанный на ст. Полица, рассказал, что в апреле 1916 года он вместе с четырьмя другими мальчиками был послан в глубь страны для того, чтобы собрать агентурные сведения в Орле, Туле, Брянске и Смоленске. В Орле,

пристроившись к 236-му запасному пехотному полку, они прожили некоторое время и, собрав необходимый материал, выехали в Минск, чтобы пробраться к немцам.

Использование детей в целях шпионажа свидетельствует о том, что немецкая разведка не брезговала никакими средствами в целях получения интересующих ее материалов. А круг интересов германской разведки был довольно обширен. В кратком обзоре способов ведения шпионажа в России, составленном штабом Минского военного округа, указывалось: «Наших врагов интересует не только наша армия, но и все, имеющее хотя бы самое малое отношение к войне. Их интересует, как протекает у нас организация промышленности, какова степень оборудования фабрик и заводов, работающих для нужд военного ведомства, каково настроение тыла армии и вообще всего населения, каково состояние дорог, каков у нас урожай, достаточно ли у нас съестных припасов, где находятся различные сооружения, устроенные для военных целей: ангары, радиотелеграфы, пороховые погреба, заводы и т. п.».

Для того, чтобы успешно выполнить все эти задачи, шпионы прибегали к самым различным приемам и уловкам. Чем опытнее был шпион, тем разнообразнее были средства, применяемые им в интересах шпионажа.

Женщины-шпионки обычно посещали перворазрядные рестораны, заводя знакомства сре-

ди военной молодежи, но не брезгуя при случае и старшими чинами. Завлекая к себе новых знакомых, они спаивали их и выпытывали у болтливых офицеров интересующие немецкую разведку сведения. Заводить знакомства рекомендовалось не с одним, а с группой офицеров, так как это намного облегчало работу шпиона. В компании всегда легко завести спор о какой-либо операции и заставить высказаться даже самых неразговорчивых офицеров.

В большие города под видом помещиков, эвакуировавшихся из занятых неприятелем районов, было заслано немало шулеров с заданием вовлекать в азартные игры военных чиновников, имеющих казенные деньги. Обыграв зарвавшегося игрока, шпионы требовали у него выдачи какого-нибудь секретного документа.

Много немецких шпионов служило лакеями в ресторанах и гостиницах, денщиками у русских офицеров, носильщиками на вокзалах и т. п. Тщательно прислушиваясь к разговорам, которые вели между собой военнослужащие, а при случае и воруя плохо охраняемые документы и полевые сумки, они доставляли германской разведке ценнейший материал.

В расположение войск шпионы проникали под видом продавцов папирос и других мелочей, под видом подрядчиков, фокусников, шарманщиков. В глубоком тылу они действо-

лали, прикрываясь маской коммерсантов, врачей, художников, артистов, туристов и т. п.

В июле 1915 года вблизи города Новороссийска дозор обнаружил неизвестного человека. Он сидел в кустах, густо растущих на побережье, и тщательно рисовал прибрежные и морские виды. Задержанный дозором неизвестный назвал себя Стефаном Миллером. По пути в город он спрыгнул с шоссе и скрылся в лесу. Тщательные поиски, предпринятые полицией совместно с войсками, не привели ни к чему. Бежавший так и не был обнаружен. Но вместо него солдаты наткнулись на другого неизвестного человека. Спрятавшись за камнями, он набрасывал на бумаге извилистые очертания черноморского побережья.

Наплыв «художников» в Новороссийск был далеко не случайным. В ходе следствия выяснилось, что в июне 1915 г. группа австро-германских шпионов получила указание пробраться в Россию для выполнения заданий германского генерального штаба. Через Румынию шпионы поехали с немецкими паспортами, но перед Унгенами эти паспорта были заменены русскими. После приезда в Одессу шпионы разбились на группы, получили новые паспорта и двинулись дальше по различным маршрутам. Новороссийская группа, в которую входили Франц Зельд, Томас Глюзеневич, Стефан Миллер, Годлин Хуппа, Эдуард Гильзер и Роман Нежинский, прибыла

в Новороссийск 25 июня. Согласно показаниям Глюзеневича, группа имела задание собрать сведения по следующим вопросам: «Имеются ли в порту большие пароходы, ведется ли навигация, существуют ли минные заграждения, какие и сколько имеется войск, есть ли артиллерия, жизненные припасы и зерно в элеваторах а также приведены ли в исправность нефтяные баки, разрушенные бывшей бомбардировкой».

Все сведения, по указаниям немецкой разведки, должны были быть собраны к 28 июня, когда в Новороссийск собирался приехать руководитель шпионской группы по кличке «Фридрих». Шпионы договорились, что в день своего приезда «Фридрих» нарисует на каменном заборе купальни небольшой черный крест. Это был знак для сбора всей шайки. В назначенный день, увидев на заборе условный знак, члены группы, поодиночке, как бы совершая прогулку, стали собираться в городском бульваре. Здесь на одной из скамеек сидел прибывший накануне главарь германских шпионов. Он сидел в стороне и никто из агентов не имел права подходить к нему. Убедившись, что все его люди в сборе, «Фридрих» поднялся и медленно пошел за город. Вслед за ним последовали поодиночке остальные. За городом, в хорошо скрытом ущелье главарь стал принимать сведения, собранные агентами, причем каждый из них делился своими впечатлениями так. чтобы не

слышали остальные. «Фридрих» сообщил своим агентам, что в ближайшие дни в порт прибудет парусное судно с двумя темными кругами на парусе. Парусник должен разведать возможность прихода в порт военного судна и в случае наличия такой возможности привести в следующий рейс военное судно для обстрела города.

Налет на Новороссийск, задуманный немецкой разведкой, имел своей целью создать панику в городе и дезорганизовать тыл. К великому огорчению немцев, авантюра не удалась. Тем не менее сама попытка показывает, какие широкие планы строила германская разведка.

Весьма энергичную шпионскую деятельность развернула группа шпионов-профессионалов, группировавшаяся вокруг Мясоедова.

Одним из крупнейших мероприятий этой группы в первый год войны являлась передача германскому генеральному штабу «Перечня важнейших мероприятий военного ведомства с 1909 г. по 20 февраля 1914 г.».

Этот «Перечень», составленный накануне войны, представлял собой развернутый отчет о военных мероприятиях России за пятилетний период. В нем нашло отражение устройство центральных и окружных военных управлений, устройство армии, вопросы комплектования и мобилизации армии, степень подготовки к военным операциям, состояние вооружения войск, порядок снабжения частей тех-

ническими средствами, инженерным имуществом и предметами интендантского довольствия, состояние оборонительных сооружений и т. д. Все вопросы, освещенные в «Перечне», представляли исключительный интерес для всякого иностранного государства, а тем более для Германии. Естественно, что документ этот имел сугубо секретный характер. О его содержании были информированы только царь, военный министр, председатель совета министров и начальник главного управления генерального штаба. Помимо этих четырех лиц никто в России, даже самые видные сановники и генералы, не знали не только о содержании, но и о существовании подобного документа. А немецкий генеральный штаб имел в своем распоряжении точную копию «Перечня». Как могло случиться, что этот секретнейший документ оказался в руках врага? Произошло это потому, что во главе военного министерства стоял предатель. В подобных условиях задача германской разведки заключалась не в том, чтобы добыть секретный обзор, а в том, чтобы переправить его за границу. С этой целью немецкие шпионы задумали и успешно осуществили наглый, но остроумный трюк: они использовали в своих интересах известного своей тупостью Николая II.

В апреле 1915 г. некий Думбадзе подал на имя Сухомлинова докладную записку с просьбой разрешить ему выехать в Германию в ка-

честве русского разведчика. Свое решение он мотивировал тем, что близко знаком с германским послом в Швеции Люциусом и многими лицами из правительства и военного министерства. Стоило ему, писал Думбадзе, только прикинуться грузинским националистом и врагом России, как он завоюет доверие германского генерального штаба и перед ним откроются все секреты.

Военный министр, прекрасно осведомленный об истинных целях этой поездки, поспешил представить докладную записку царю, а тот с готовностью дал согласие на выезд Думбадзе за границу. Следует отметить, что разведывательное отделение генерального штаба протестовало против этой поездки, но Николай не счел нужным прислушаться к предложениям разведывательного отделения.

Летом 1915 г. В. Думбадзе выехал через Швецию в Германию, предварительно получив через Гошкевича копию «Перечня». В Берлине Думбадзе устроили пышную встречу. В день приезда он имел беседу с заместителем министра иностранных дел Циммерманом, бывшим послом в России графом Пурталесом и др. видными сановниками. На следующий день он был принят начальником генерального штаба, которому и передал секретный документ военного ведомства. Вернувшись через 2 недели в Россию, Думбадзе представил отчет о своей поездке. На 19 машинописных страницах немецкий шпион излагал под видом важнейших

агентурных данных давно известные сведения. Царь остался доволен поездкой Думбадзе в Берлин. Еще более был доволен германский генеральный штаб...

Для того чтобы получить секретные сведения, агенты мясоедовской шайки не останавливались ни перед какими средствами. Жена Осипа Лунца с согласия мужа входила в интимные отношения с членами Государственной думы, занимающимися в комиссии по обороне страны. Баронесса Штампель устраивала у себя званые вечера, на которые обычно приглашались видные политические и военные деятели. «Баронесса, — говорится в одном из документов, — своим приемом и обхождением очаровывала гостей и умела из разговоров с нужными ей людьми извлечь немало серьезных сведений по обороне государства».

В начале 1917 г. германская разведка заинтересовалась планами Кронштадтской крепости. Строитель крепости генерал Шишкин был приглашен в салон баронессы Штампель. Баронесса уделила ему весь вечер. Она была настолько предупредительной и любезной, что совсем вскружила голову старому генералу. Уезжая поздно ночью домой, он ровно на два дня «забыл» у баронессы портфель с планами Кронштадтской крепости.

Сам Мясоедов, в связи с началом войны, решил перенести свою шпионскую деятельность в действующую армию. При содействии военного министра он был назначен руково-

дителем агентурной разведки X армии, оперирующей на Западном фронте. Это перемещение было наружу германской разведке, так как давало ей возможность получать данные об оперативных планах русских армий. Мясоедов старался полностью использовать все выгоды, вытекающие из его нового назначения. Через своих доверенных лиц он имел точнейшие данные не только о X армии, в которой он служил, но также и о I и II армиях.

Скоро начали сказываться губительные последствия тайной деятельности мясоедовской шайки.

18 августа 1914 г., по приказу главного командования, армия генерала Самсонова перешла в наступление в Восточной Пруссии и после двухдневного ожесточенного боя отбросила 20-й германский корпус на запад. Потерпев поражение, немецкий генерал Притвиц принял решение оставить Восточную Пруссию. Но начальник генерального штаба фон-Мольтке, племянник знаменитого немецкого стратега, отменил приказ Притвица. Это распоряжение было вызвано вовсе не тем, что немецкое командование нашло талантливое решение создавшейся стратегической обстановки (Мольтке-младший был бездарным генералом, имеющим лишь одно достоинство — популярную фамилию), а тем, что в его руках оказались подробные планы наступающих русских армий. Мольтке знал, что Самсонов

вырвался вперед и что между его армией и армией Ренненкампфа образовался разрыв более чем в 100 километров. Разобщенность русских армий давала возможность бить их поодиночке. Заранее предупрежденный о наступлении, фон-Мольтке перебросил на Восточный фронт 5 дивизий, с помощью которых Гинденбург, сменивший Притвица, окружил армию Самсонова и почти полностью ее уничтожил. Вслед за этим удар был перенесен на Ренненкампфа, который был вынужден отступить, понеся при этом большие потери.

Когда немцы получили от Мясоедова сведения о переброске 22-го корпуса из Восточной Пруссии на Юго-Западный фронт, они с огромной силой обрушились на ослабевший фланг X армии и заставили отступить русские войска. Предатель Мясоедов не только обеспечил успех немецких войск в этой операции, но и деятельно подготовлял сдачу врагам крепости Осовец со всеми ее орудиями. Но здесь немцам пришлось иметь дело с героическими русскими солдатами. В тяжелых условиях они отбили атаки противника, сохранив крепостную артиллерию.

В феврале 1915 года русские войска нанесли тяжелый удар немцам под Прасныш. Для дальнейшего развития операции необходимо было иметь сведения о количестве живой силы и технических средств неприятеля, концентрирующегося в районе Пильвишки — Вильковишки. Такие сведения были добыты

армейской разведкой и переданы Мясоедову. Вместо того, чтобы немедленно сообщить агентурные данные штабу армии, Мясоедов скрыл их, сорвав тем самым успешно начатую операцию.

Приведенные примеры показывают, с какой наглостью и в каких широких масштабах проводился шпионаж в русских армиях.

Но дело далеко не ограничивалось только одним шпионажем.

Диверсионная работа немецкой разведки

Как только на западе загрохотали пушки и удушливый дым войны заклубился над землей, немецкая агентура приступила к организации массовых диверсий в промышленности и на транспорте.

Документы жандармских учреждений царской России дают хотя и не полное, но довольно яркое представление об этой стороне деятельности германской разведки.

На другой же день после объявления войны немецкие фирмы стали саботировать выполнение военных заказов. Акционерное общество «Б. Гантке», производившее на своих заводах рельсы, лопаты, снаряды, проволоку и т. п., резко сократило производство. Принадлежавшие этому обществу саратовский и екатеринбургский заводы почти полностью прекратили свое существование. Выксунские горные заводы, имевшие огромные возможности для выработки предметов, необходимых

военному ведомству, систематически не выполняли военных заказов. Но саботаж являлся только небольшой частичкой той огромной подрывной работы, которую развернула германская разведка.

Уже в августе 1914 года на резиновых петроградских фабриках началось массовое отравление работниц, вероломно подготовленное немецкими агентами. Вскоре были обнаружены признаки отравления и среди солдат действующей армии. Расследование показало, что винные склады братьев Ферер (ст. Елисаветполь) снабжали армию виноградным вином с примесью яда. В Прибалтике начался массовый падеж лошадей от сибирской язвы. Отравление скота было организовано по заданию германской разведки бароном Розеном и братьями Дален. В июне 1916 г. шведская полиция арестовала группу германских шпионов, направлявшихся в Россию (среди них барон Отто Розен, курьер германской миссии барон Раутенфельс и др.), провозивших в дипломатическом багаже взрывчатые вещества. Во время просмотра «дипломатического» багажа были обнаружены большие куски сахара, на первый взгляд не представлявшие ничего подозрительного. Однако при тщательном исследовании оказалось, что в каждом куске сахара имелась тщательно замаскированная стеклянная трубочка 17 мм длины и 25 мм в диаметре, наполненная до $^2/_3$ жидкостью. Бактериологический анализ показал, что в

трубочках находились бациллы сибирской язвы.

Если германские агенты не останавливались перед отравлением рабочих и солдат, то пожары и взрывы на военных заводах, складах, стратегических сооружениях были весьма распространенным явлением.

В июле 1916 г. в Тронхейме (Норвегия) вспыхнул пожар на складах фирмы Башке и Иверсен, в которых находились грузы, предназначенные для отправки в Россию. Огнем были уничтожены склады, несколько судов и почти вся гавань. Во Владивостоке немецкие диверсанты, прикрывавшиеся вывеской фирмы «Гергард и Гей» организовали 15 пожаров и взрывов военных грузов. В Архангельске взлетели на воздух военные порты Бакарица и Экономная. Здесь же был взорван корабль «Барон Дризен».

При странных обстоятельствах погиб пароход «Урания». Этот пароход принадлежал финляндскому торговому обществу и вез из Америки порох и пироксилин. При входе в горло Белого моря он неожиданно взорвался, налетев, якобы, на мину. Но поражает здесь то обстоятельство, что ни один человек из команды не погиб. На пароходе были кочегары и машинисты, работавшие в глубоком трюме, однако никто из них не был даже ранен—случай невероятный при взрыве судна, набитого порохом. Пароход добровольного общества «Нонни», шедший вслед за «Ура-

нией», не взорвался, и команда его показала, что на погибшем судне шлюпки с людьми были заранее спущены, а руль закреплен. Таким образом не остается сомнений в том, что гибель «Урании» не случайна, так же как не случаен пожар на мурманском складе взрывчатых веществ.

Частые диверсионные акты встревожили даже неповоротливую русскую полицию. В циркуляре департамента полиции от 8 июня 1916 года указывалось: «Характер происшедших в текущем году в различных местностях империи пожаров на военных предприятиях, в интендантских складах фуража и лесопильных заводах, а также взрывов на пороховых заводах и в поездах со снарядами и взрывчатыми веществами дает основание предположить, что некоторые из этих происшествий являются не делом случаев, а злоумышлениями со стороны неприятельских агентов, на что указывает также и наблюдаемая планомерность в осуществлении этих злоумышлений».

Хотя русская контрразведка работала чрезвычайно слабо, все же ей удавалось получить некоторые данные о вероломных методах германской разведки. Весьма любопытен в этом отношении факт с организацией диверсий под ширмой «Турецкого политического комитета». Перед началом войны германский генеральный штаб предложил немецкому послу в Константинополе подготовить

группу диверсантов для переброски их в Россию. При этом указывалось, что само посольство должно остаться в тени. Посол был опытный конспиратор. Он нашел удобную ширму в виде несуществующего «Турецкого политического комитета». Своим помощникам Людиеру и Лаферету он дал предписание действовать только от имени мифического комитета. Людиер отправил в Швейцарию тайного агента Бернштейна для подбора необходимых людей из числа русских эмигрантов. Для германской разведки совсем не важно было, что представляют из себя эти эмигранты. Важно, что разрушения в России производились эмигрантами, так как в случае провала вина пала бы целиком на них. И даже если бы агенты проговорились на следствии, то русские власти имели бы представление только о каком-то «Турецком политическом комитете».

Прибывший в Швейцарию Бернштейн по чистой случайности столкнулся с тайным агентом русской контрразведки по кличке «Шарль» (действительная фамилия—Долин). «Шарль» охотно принял предложение об организации диверсионной группы и телеграфировал об этом департаменту полиции. В помощь ему был прислан сотрудник департамента Литвин. Из бесед с Бернштейном русские агенты поняли, что никакого «Турецкого политического комитета» не существует, и что инициатива исходит от германского посла

в Константинополе. Вскоре это подтвердилось признанием самого Бернштейна. Литвин писал в своем донесении: «Германское посольство страшно боится скандала и поэтому в подобных делах всегда маскирует свою деятельность, подыскивая подставных лиц...».

«Завербованным» агентам Бернштейн передал задание: «взорвать мосты: Сызранский через Волгу, Красноярский через Енисей и, вообще, мосты по Круго-Байкальской ж. д. и прекратить деятельность какими бы то ни было способами Тульского, Брянского и Обуховского заводов». За взрыв мостов обещано было уплатить 150 тыс. франков.

Спустя некоторое время «Шарль» и Литвин встретились в Бухаресте с одним из главарей этого предприятия—Люднером. В отличие от болтливого Бернштейна, Люднер отличался огромной наблюдательностью и сдержанностью. Он решил вначале проверить завербованных лиц и поручил им незначительную операцию — взорвать железнодорожный мост вблизи г. Красноярска. Как ни старался выведать Литвин хотя бы небольшие данные о немецких агентах в России, ему не удалось ничего добиться.

В начале декабря 1914 года Литвин и «Шарль» приехали в Россию, а спустя несколько месяцев в иностранных газетах появилась короткая заметка: «Неизвестными злоумышленниками был взорван железнодо-

рожный мост, имеющий некоторое стратегическое значение. Разрушения невелики. Расследование производится». Опубликование этой заметки было рассчитано на то, что германская разведка будет более доверчива к «Шарлю» и Литвину, что даст возможность напасть на след действительных немецких шпионов.

Добиться этого не удалось. Немцы продолжали ограничиваться указанием отдельных задач, но не информировали о своей агентуре. Во время последней встречи, в марте 1916 года, немецкий военный атташе в Швейцарии фон-Бисмарк сказал «Шарлю»: «У русских одно преимущество перед нами в Черном море — это «Мария». Постарайтесь убрать ее. Тогда наши силы будут равны, а при равенстве сил мы победим. Если нельзя окончательно ее уничтожить, то хоть постарайтесь выбить ее из строя на несколько месяцев».

«Императрица Мария» — крупнейший военный корабль Черноморского флота, и поэтому понятно, почему немцы так настойчиво добивались уничтожения его. «Шарль» довел до сведения департамента полиции намерения германской разведки, но полиция нашла, что эти планы слишком фантастичны. Последующие события подтвердили, насколько намерения германской разведки были серьезными и насколько русские власти оказались беспечными. В конце 1916 года «Мария» была взорвана, при этом активное участие в организа-

ции диверсии принимала великая княгиня Мария Павловна.

Русская армия с первых же месяцев войны попала в чрезвычайно тяжелые условия. Нехватало снарядов, винтовок, патронов. Снарядов, заготовленных в мирное время, хватило только на один месяц. 1 сентября 1914 года главное артиллерийское управление сообщало начальнику штаба верховного главнокомандующего: «Никакого запаса огнестрельных припасов не существует». С фронта неслись отчаянные телеграммы. Генерал Забелин 12 октября 1914 года сообщал: «Положение с пушечными патронами на Юго-Западном фронте становится критическим». В этот же период генерал Якушкевич телеграфировал в военное министерство: «Главный, гигантский кошмар—это пушечные патроны». В письме от 22 ноября он сообщал, что «с уменьшением числа орудий и числа патронов стало выбывать из строя на 50—60% больше людей». Пополнения на фронт посылались без оружия. К октябрю 1914 г. на фронтах нехватило 870 тыс. винтовок, причем 585 тыс. винтовок недоставало для новобранцев 1914 года. Война превратилась для русских солдат в гигантскую мясорубку.

Военное министерство не только не принимало никаких мер для ликвидации создавшегося положения, но всячески препятствовало снабжению фронта оружием и боеприпасами. В сентябре 1914 года, когда уже стало ясно,

что русские армии не обеспечены необходимыми военными запасами, военный министр Сухомлинов писал французскому послу, что «положение вещей относительно снаряжения Российской армии не внушает никакого серьезного опасения» и что «военное министерство принимает все необходимые меры для обеспечения армии всем количеством снарядов, которое ей необходимо...».

Заявления Сухомлинова были насквозь ложными.

В действительности многие отрасли военной промышленности целиком контролировались немцами. Так, например, производство пороха во многом зависело от немецкого синдиката «Сиверс», имевшего в России многочисленные отделения. Этот синдикат, монополизировав торговлю чилийской селитрой, сознательно тормозил разработку залежей русской селитры. Огромный завод «Русского общества для выделки и продажи пороха» находился в руках немецких капиталистов. Другое «русское» общество по изготовлению снарядов и военных припасов возглавлялось известным германским шпионом К. Шпан. Естественно, что агенты германской разведки принимали все меры к тому, чтобы сорвать производство важнейших военных материалов. Заказы на военные поставки во многих случаях попали в руки немецких шпионов, которые, тормозя производство военного снаряжения, в то же время наживали себе де-

сятки миллионов рублей. Шпион Василий Думбадзе «заработал» на «поставке» снарядов 2 миллиона рублей, шпион Веллер—около 13 миллионов и т. п.

Транспортировка военных материалов была доверена таким фирмам, как «Дейтрих Гейдеман», «Гергард и Гей», «Книпп и Вернер», «Мартенс», «Плюйм-Окс» и др., которые, пользуясь поддержкой военного министерства, всячески тормозили и путали дело снабжения. Бывали многочисленные случаи, когда один пароход привозил пушки, а другой—замки от пушек. На один участок фронта шли пушки, а на другой—замки от них. В порт доставляется подводная лодка, а ящик с аккумуляторами и камерами для сгущения и сжатия воздуха исчезает бесследно.

Знаток немецкого шпионажа в России А. М. Оссендовский рассказывает в своей неопубликованной записке: «Пароход Добровольного флота везет 140 вагонов пороха для армии. О дне выхода из Америки известно, день прихода в Архангельск известен. Пароход благополучно приходит. Стоит три дня на рейде. Почему? Неизвестно. Наконец приходит на Бакарицу. Вагоны готовы, люди ждут, вскрыты люки, но уполномоченный Главного Артиллерийского Управления заявляет: «Грузить в вагоны порох нельзя, ибо неизвестно — куда отправлять груз». — «Да ведь вы две недели тому назад знали, что придет пароход и привезет груз».—«Да, знал,

но Петроград на наш запрос молчит и не дает назначения грузу».

Пароход «Городаль» пришел в Архангельск и стоит 16 дней. На нем 5500 тонн (400 000 пудов) селитры, весьма нужный и срочный груз. Никто не знает, кому адресован пароход, и стоит он 16 дней».

Подобные факты весьма ярко иллюстрируют работу русского военного министерства, облепленного со всех сторон немецкими шпионами и диверсантами.

Только на второй год войны, когда стали открыто говорить о грандиозном предательстве, царское правительство приняло меры к ликвидации отдельных шпионских групп. В феврале 1915 года были арестованы шпионы Мясоедов, Иванов, Гошкевич, Максим Веллер и др. В мае того же года был издан закон о ликвидации существовавших в России немецких фирм. Наконец, в июне 1915 года был снят с поста военного министра Сухомлинов. Эти меры несколько оздоровили обстановку, но они, несомненно, не ликвидировали и не могли ликвидировать всей шпионской сети. В прогнившем теле царизма продолжали копошиться шпионские черви. Они оставались не только в различных военных и государственных учреждениях страны, но и в самом царствующем доме. Во время суда над шайкой Мясоедова выяснилось, что шпиону Веллеру легко удалось подкупить великих князей Сергея Михайловича и Николая Николаевича.

Если вспомнить «подвиги» великой княгини Марии Павловны, царицы и небезызвестного Распутина, то станет ясно, какую омерзительную клоаку представлял из себя царствующий дом Романовых.

Несмотря на чудовищные предательства, несмотря на утонченную подрывную работу германской разведки, немецкая армия не могла добиться на фронте таких успехов, на которые рассчитывала. Плохо вооруженная, предаваемая многочисленными шпионами, русская армия не раз наносила сокрушительные удары хорошо оснащенным германским войскам. Таким ударом был, например, Брусиловский прорыв на Юго-Западном фронте в мае—июне 1916 года. Впоследствии Гинденбург писал в своих воспоминаниях, что шпионаж в иностранных государствах не дал тех результатов, которые можно было бы от него ожидать. Это заключение было правильно как в отношении Англии и Франции, так и в отношении России.

Заключение

В 1918 году, после четырехлетней войны с коалицией великих держав, кайзеровская империалистическая Германия лопнула, как мыльный пузырь. Не помогли ни тщательно организованный шпионаж, ни массовые диверсии в неприятельских странах. Миф о непобедимости германского оружия, воспеваемый на все лады лживой немецкой пропагандой, был погребен под обломками грандиозной катастрофы.

Гитлеровские дурачки не учли грозное предостережение истории. Все самое реакционное и черносотенное из времен кайзеровской Германии бережно восстановлено Гитлером и доведено до чудовищных размеров. Как и прежде, фашисты возлагают огромные надежды на шпионско-подрывную работу, проводя ее, при этом, еще в более омерзительных и диких формах.

«Совершенно необходимо,—пишет главарь бандитской шайки Гитлер,—чтобы вражеская нация была деморализована, чтобы она была подготовлена к капитуляции, чтобы она была морально принуждена к пассивности даже прежде, чем придет в голову мысль о военных действиях...».

Таким образом подрывная деятельность в иностранных государствах является краеугольным камнем внешнеполитической дея-

тельности гитлеровской Германии. Наиболее действенными средствами в этом отношении Гитлер считает: «акты терроризма, саботаж, покушение, совершенные изнутри убийства руководителей...». Именно для этой цели готовит гестапо тысячи шпионов и диверсантов, используя самые низкие приемы и методы. В беседе с известным Раушнингом, Гитлер с неприкрытым цинизмом говорил:

«Хороший посол должен быть прежде всего поставщиком развлечений. Если это нужно, он должен стать фальшивомонетчиком и шулером... Я приказал составить картотеку на всех влиятельных людей мира. На этих карточках должны быть необходимые справки. Такой-то. Принимает ли он деньги? Можно ли его купить другим путем? Горд ли он? Есть ли у него эротические предрасположения? Какой тип женщин он предпочитает? Не гомосексуалист ли он? Этой категории надо уделить большое внимание, потому что таких людей можно очень крепко привязать к себе. Скрывает ли такой-то что-нибудь из своего прошлого? Поддается ли он шантажу? Таким путем я... обеспечиваю себе проникновение и влияние в каждой стране... Политика — это такая игра, в которой допустимы все хитрости и правила которой меняются в зависимости от искусства игроков».

В этом вульгарном бахвальстве фашистского главаря нет ничего нового. Тем не менее оно весьма характерно для определения

морального облика патентованного обер-шпиона.

С помощью фашистской агентуры в западно-европейских странах Гитлер сеял панику и растерянность, чувство неуверенности и страха в рядах своих противников. И когда немецкая армия без особого труда захватывала слабые европейские государства, отвратительный выродок Геббельс вопил на весь мир о непобедимости германской армии. Истасканный, покрытый плесенью и позором миф вновь появился на сцене.

Готовя войну против СССР, Гитлер возлагал огромные надежды на подрывную работу внутри нашей страны. В лице троцкистско-бухаринских выродков фашистские бандиты нашли себе достойных помощников. Но советский народ бдительно охранял свою счастливую жизнь. Доблестная советская разведка разоблачила и уничтожила лакеев фашистского гестапо. Гитлер и его банда садистов и головорезов лишилась в нашей стране пятой колонны.

Когда-то Адольф Гитлер хвастливо заявил: «Я никогда не начну войну, не имея заранее абсолютной уверенности в том, что мой противник, будучи деморализован, погибнет под первым ударом». Вероломно напав на СССР, Гитлер серьезно верил, что советский народ сложит оружие после первого же удара. Но он жестоко просчитался. Миф о непобедимости германской армии разорван в клочья

штыками наших героических бойцов. Кровавые фашистские собаки, скуля и зализывая свои раны, отползают на запад.

Но и отступая под ударами Красной Армии, фашисты не забывают о подрывной работе в советском тылу. В дни великой отечественной войны гитлеровцы используют самые гнусные приемы, чтобы заслать на нашу территорию громадное количество шпионско-диверсионной мрази. Все бойцы, командиры и политработники Красной Армии и Военно-Морского Флота должны повседневно проявлять высокую революционную бдительность, свято хранить военную тайну и беспощадно уничтожать фашистских шпионов, диверсантов и провокаторов. Все советские патриоты на фабриках, заводах, в учреждениях, колхозах и совхозах должны выявлять и уничтожать эту свору в нашем советском тылу.

Беспощадным уничтожением фашистских шпионов, диверсантов и провокаторов поможем нашей славной Красной Армии окончательно разгромить и уничтожить фашистские орды, пробравшиеся на нашу священную землю.

Редактор *И. Фомин* Корректор *З. Чуднова*

Подписано к печати 7/II 1942 г. НГ18779. Тираж 25000. Учетно-изд. л. 2,35. Печ. л. $2^1/_4$. Знаков в бум. л. 85400. Цена 50 к. Саратов, Тип. изд-ва „Коммунист". Зак. 600.

Набрано в типографии изд-ва „Коммунист". Отпечатано в типографии Облместпрома. Заказ № 612.

50 коп.

3963 7